

ЦИНЬ КЭЦИН И ЭЛЕН КУРАГИНА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ГЕРОИНЬ РОМАНОВ ЦАО СЮЭЦИНЯ И ЛЬВА ТОЛСТОГО

Сун Даньно

Аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
lilysmomforever@yandex.com

Исакова Ирина Николаевна

Доцент, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
mandala-1@yandex.ru

QIN KEQING AND HELEN KURAGHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGES OF HEROINES IN THE NOVELS OF CAO XUEQIN AND LEO TOLSTOY

**Song Dannuo
I. Isakova**

Summary: The article presents a comparative analysis of the female characters Qin Keqing from Cao Xueqin's novel «Dream of the red chamber» and Helene Kuragina from Leo Tolstoy's «War and peace», based on the “angel/demon” Model developed in feminist literary criticism. The aim of the study is to identify both universal and culturally specific features in the representation of female characters in Russian and Chinese classical literature. The application of comparative analysis methods and elements of gender criticism reveals that the images of both heroines' function within the structure of the works as markers of the social and moral crises of their respective eras. The study demonstrates that in the Chinese text, the image of Qin Keqing is characterized by profound psychological ambivalence and represents an artistic reflection on the limitations of female subjectivity within a patriarchal culture. In contrast, within the Russian literary tradition, the image of Hélène Kuragina is interpreted as a bearer of moral corruption and serves as a tool for reinforcing normative gender constructs. The findings of the research expand the understanding of the typology of female archetypes in literature and highlight the potential of cross-cultural analysis in studying the mechanisms of patriarchal discourse.

Keywords: female images, patriarchal discourse, “angel/demon” Model, feminist criticism, comparative literary studies, classical literature of China and Russia.

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ женских образов Цинь Кэцин из романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» и Элен Курагиной из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» с опорой на модель «ангел — демон», разработанную в рамках феминистского литературоведения. Целью исследования является выявление универсальных и национально-специфических особенностей репрезентации женских персонажей в русской и китайской классической литературе. Применение методов сравнительного анализа и гендерной критики позволило выявить, что образы обеих героинь функционируют в структуре произведений как маркеры социального и морального кризиса своих эпох. В работе показано, что в китайском тексте образ Цинь Кэцин обладает глубокой психологической амбивалентностью и представляет собой художественное осмысление ограниченности женской субъектности в условиях патриархальной культуры. В русской литературной традиции образ Элен Курагиной интерпретируется как носитель морального зла и служит средством утверждения нормативных гендерных установок. Результаты исследования расширяют представления о типологии женских архетипов в литературе и демонстрируют потенциал межкультурного анализа в изучении механизмов патриархального дискурса.

Ключевые слова: женские образы, патриархальный дискурс, «ангел — демон», феминистская критика, сравнительное литературоведение, классическая литература Китая и России.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа влияния традиционных женских образов на художественные системы Л.Н. Толстого и Цао Сюэциня, а также их роли в формировании культурных парадигм и социальных стереотипов в русской и китайской литературных традициях. В условиях возрастающего интереса к вопросам гендерной репрезентации в искусстве и литературе, сопоставительное изучение таких персонажей, как Цинь Кэцин из романа «Сон в красном тереме» и Элен Курагина из «Войны и мира», приобретает особую значимость.

Данный анализ позволяет не только выявить национально-культурную специфику формирования женских характеров, но и раскрыть универсальные закономерности художественного воплощения женственности в контексте различающихся социокультурных систем.

Целью исследования является выявление особенностей репрезентации женских образов в русской и китайской литературе на основе сопоставительного анализа персонажей Цинь Кэцин и Элен Курагиной. Через изучение их художественной природы и культурных функций исследование направлено на определение влияния социокультурного контекста на формирование

литературных моделей женственности и отражение в них эволюции социального статуса женщины в двух различных обществах. Анализ нарративных стратегий и символического наполнения данных образов способствует более глубокому пониманию специфики национальных литературных традиций.

Методологическую основу работы составляют методы сравнительного анализа и элементы гендерной критики, что позволяет выявить как общие типологические черты, так и национально-специфические аспекты репрезентации женских персонажей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отечественном литературоведении впервые предпринимается системный сопоставительный анализ механизмов художественной репрезентации женских образов в творчестве Цао Сюэциня и Л.Н. Толстого. Полученные результаты позволяют значительно расширить существующие представления о специфике женских персонажей в русской и китайской литературных традициях, а также углубить понимание процессов формирования культурных стереотипов через художественный текст.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений о многообразии художественных моделей женственности, особенностях их функционирования в различных литературных системах и о роли литературных произведений в формировании гендерных представлений в обществе. Проведённый анализ вносит вклад в развитие сравнительного литературоведения и гендерной филологии, обогащая научный дискурс новыми подходами к интерпретации классических текстов.

Практическая значимость результатов исследования проявляется в возможности их использования в образовательном процессе при разработке курсов по сравнительному литературоведению, русско-китайским культурным связям, гендерным аспектам литературной репрезентации, а также в практике межкультурной коммуникации. Кроме того, применённая методология может быть адаптирована для проведения новых сопоставительных исследований в области русской и восточной литературы.

Женские образы в контексте историко-культурных трансформаций: теория и авторское отношение

Современные исследования женских образов в литературе демонстрируют, что их интерпретация тесно связана с социально-историческими контекстами и господствующими гендерными стереотипами. Классическое направление феминистской литературной критики, сформировавшееся во второй половине XX века,

предложило новую теоретическую оптику для анализа женственности в художественных текстах. Так, в работе С. Гилберт и С. Губар *The Madwoman in the Attic* убедительно показано, что патриархальный литературный канон веками формировал бинарные образы женщин — «ангел» или «демон», отождествляющие женщину либо с добродетелью и покорностью, либо с угрозой и аморальностью [1]. Эту перспективу развивает Рубинштейн, которая подчеркивает значимость «женского письма» как самостоятельной культурной традиции [2].

Схожие механизмы наблюдаются и в китайской литературе. Как отмечает Тянь Тунсюй, в прозе Мин и Цин периодов происходила постепенная переоценка женского положения: от второстепенной роли в патриархальной структуре к более самостоятельной и сложной идентичности [3]. В свою очередь, Л. Эдвардс указывает, что в «Сне в красном тереме» женские персонажи, с одной стороны, демонстрируют идеалы «чистоты», навязанные обществом, с другой — воплощают стремление к индивидуальной свободе [4]. Это подтверждают и современные исследования Ци Цзиня, который показывает, что в поздней прозе династии Цин прослеживаются элементы «скрытого феминизма», подрывающие традиционные гендерные нормы [5].

В русской классической литературе схожие тенденции отражаются в творчестве Л.Н. Толстого. Как отмечает Е. Полтавец, в рецепции образов Толстого доминирует восприятие женского идеала как «верной супруги и добродетельной матери», однако такие персонажи, как Элен Курагина, нарушают этот стереотип, представляя собой образ «роковой женщины», противостоящей патриархальной морали [6]. Анора Равшанова, в свою очередь, прослеживает в русской и европейской литературе эволюцию женского образа от декоративного элемента сюжета к многогранному носителю внутренней рефлексии и социального протеста [7].

Для китайской литературы XX–XXI веков также характерен процесс «демократизации» женских персонажей. Как пишут Ван Фань и Галай К.Н., в современной китайской прозе женский образ перестает быть лишь отражением патриархальных ожиданий, становясь активным агентом культурных трансформаций [8]. Прямым предшественником этой тенденции можно считать героинь «Сна в красном тереме», чьи судьбы олицетворяют кризис старых гендерных моделей. Как показывает Д.П. Петренко, роман Цао Сюэциня не только воспроизводит традиционные гендерные роли, но и демонстрирует их внутреннюю противоречивость, закладывая основы нового литературного осмысления женственности [9].

Таким образом, сопоставление образов Цинь Кэцин и Элен Курагиной на фоне историко-культурных трансформаций позволяет увидеть, как в разных националь-

ных традициях литературный текст становится ареной борьбы стереотипов, отражая не только эпохальные социальные сдвиги, но и процессы формирования новой женской идентичности.

Цинь Кэцин и Элен Курагина: художественные особенности репрезентации персонажей

Рассматривая образы Цинь Кэцин и Элен Курагиной в свете художественных стратегий их репрезентации, прежде всего следует отметить, что оба персонажа являются проводниками авторских идей о кризисе патриархальных норм и трансформации женской идентичности. Их образы встраиваются в общую структуру текста как многозначные символы морального и социального разложения высшего общества соответствующей эпохи.

В романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэцинь вводит Цинь Кэцин в повествование уже на уровне символического намёка. Описание героини через восприятие Цзя Баоюя подчёркивает её утончённую красоту: *«刚到房门，便有一股细细的甜香袭人而来。宝玉觉得眼饧骨软，连说：“好香！”»* («Едва подойдя к двери, Баоюй ощутил тонкий сладковатый аромат, который как бы усыплял тело и расслаблял кости. “Какой чудесный аромат!” — воскликнул он.»). Таким образом, ароматное пространство комнаты служит метафорой внутренней чувственности и скрытого драматизма её образа. Повествователь фиксирует, что героиня сочетает в себе черты идеальной невестки — *«贾母素知秦氏是个极妥当的人，生的袅娜纤巧，行事又温柔和平»* («Цзяму всегда знала, что госпожа Цинь — человек крайне тактичный, с грациозной, утончённой фигурой и мягкими, сдержанными манерами»), — с внутренним противоречием, которое впоследствии выливается в её трагическую судьбу. При этом образ Цинь Кэцин, как верно подмечает Петренко, *«демонстрирует глубокие внутренние противоречия, не укладывающиеся в рамки конфуцианской морали»*.

Толстой, в свою очередь, строит образ Элен Курагиной на контрасте между внешним блеском и моральной пустотой. Уже при первом её появлении в тексте автор подчёркивает: *«... красивая дама высокого роста, с большими заплетёнными волосами, с очень блестящими белыми пухлыми плечами и шеей...»*, тем самым маркируя её внешнюю привлекательность как главный инструмент социального воздействия. При этом за этим фасадом скрывается сущность героини как типичной *«роковой женщины»*: *«Где вы — там разврат и мерзость»*. Толстой не оставляет читателю возможности к сочувствию: его отношение к героине жёстко осуждающее, что, по мнению Полтавец, *«соответствует традиционному стереотипу роковой женщины в патриархальной системе»*.

Обе героини представляют собой архетипы «демона», но с разной степенью художественной амбивалентности.

Если Цинь Кэцин в трактовке Цао Сюэцинь остаётся фигурой трагической — её смерть, по сути, символизирует гибель всего рода Цзя, — то Элен Курагина предстает в «Войне и мире» как карикатурный образ аморальности высшего света. Как справедливо отмечает Анора Равшанова, именно такие *«гипертрофированные»* женские образы служат маркером морального кризиса общества.

Важно подчеркнуть, что Цао Сюэцинь применяет тонкие лексико-семантические и стилистические приёмы для создания образа Цинь Кэцин. В описаниях её поведения и речевых характеристик преобладают слова с положительной семантикой: *«温柔和平»* («мягкость и гармония»), *«妥当»* («тактичность, уместность»), *«慈爱»* («добродота и сострадание»). Однако постепенно в повествование внедряются образы смерти и упадка: *«秦可卿淫丧天香楼»* («Цинь Кэцин погибла в башне Тяньсянлоу от распутства»). Таким образом, автор создаёт эффект внутреннего напряжения между внешним обликом героини и её судьбоносной линией.

У Толстого же репрезентация Элен строится на активном использовании антитезы: её *«сияющая внешность»* сопровождается эмоционально маркированными комментариями повествователя (*«безнравственность», «разврат», «мерзость»*), создающими однозначно негативную коннотацию. По мнению Зоркой, *«Толстой сознательно разрушает иллюзию красоты как синонима добродетели»*.

Следовательно, с точки зрения стилистики и нарративной стратегии, образы Цинь Кэцин и Элен Курагиной реализуют разные типы художественной амбивалентности: у Цао Сюэцинь — трагическую, сочувственную, у Толстого — сатирическую и обличающую. В обоих случаях авторы используют богатый арсенал лексических средств и символических намёков для передачи скрытой авторской оценки персонажа.

Таким образом, репрезентация этих женских образов подтверждает универсальность бинарной оппозиции «ангел–демон» в художественной литературе, но наполнение её конкретными семантическими и стилистическими чертами зависит от культурного контекста и авторского мировоззрения. Как показывает сравнительный анализ, образы Цинь Кэцин и Элен Курагиной становятся ключевыми элементами в структуре романа, выполняя не только сюжетную, но и мировоззренческую функцию.

«Ангел» и «демон»: типологический анализ и культурные интерпретации образов

В рамках настоящего анализа в качестве теоретической опоры используется бинарная модель «ангел — демон», предложенная С. Гилберт и С. Губар [1]. Данная

модель представляет собой интерпретацию женских архетипов в патриархальной культуре, где образ женщины репрезентируется либо как идеализированный носитель добродетели (ангел), либо как угроза установленному порядку (демон). Как отмечает Синьковская [10], данная оппозиция служит важнейшим инструментом контроля над допустимыми формами женской идентичности и поведения.

Применяя эту модель к анализу образов Цинь Кэцин («Сон в красном тереме») и Элен Курагиной («Война и мир»), можно выделить общие структурные черты: обе героини транслируют страх общества перед нарушением женских ролевых норм. Однако эстетические механизмы построения этих образов и их семантическая нагрузка существенно различаются.

В китайском тексте Цинь Кэцин демонстрирует сложный синтез архетипов. На уровне повествовательной конструкции она изначально включена в ангелическую парадигму: «*温柔和平*» («*мягкость и гармония*»), «*妥当*» («*уместность, тактичность*»), «*慈爱*» («*доброта*»). Однако скрытый пласт образа отсылает к «демоническому» началу: неканоническая любовная связь и последующее самоубийство в Тяньсянлоу. Здесь, по замечанию Петренко [9], речь идёт о символическом кризисе конфуцианского порядка, в котором даже «идеальная» женщина оказывается неспособной соответствовать неадекватным требованиям традиции. Таким образом, архетип «демона» активизируется не как характеристика индивидуального падения героини, а как индикатор внутренней противоречивости самой патриархальной системы.

В «Войне и мире» типология образа Элен Курагиной ближе к «чистому» архетипу «демона» в понимании Гилберт и Губар [1]. Её внешняя эстетизация — «красивая дама с блестящими плечами» — служит лишь фасадом для демонстрации моральной деградации. По мнению Полтавец [6], именно жёсткая дихотомия внешнего великолепия и внутреннего разврата позволяет Толстому превратить этот образ в выразительное средство социальной критики. В отличие от амбивалентного образа Цинь Кэцин, Элен — фигура, однозначно маргинализованная автором: она не имеет психологического оправдания или смягчающих обстоятельств. В терминах Прохорова [11] — это «контролируемый нарративно негативный персонаж», чьё существование служит назиданием для читателя.

Значимой особенностью является культурно обусловленная разница в динамике этих образов. Как указывает Яковлева [12], в русской литературной традиции XIX века архетип «демонической женщины» (в отличие от китайской классической прозы) чаще статичен: он фиксирует нарушение социальной нормы, но не исследует глубинные механизмы, породившие такое отклонение.

Этим объясняется схематичность образа Элен по сравнению с внутренней сложностью Цинь Кэцин.

Кроме того, в обоих случаях прослеживается авторская реакция на процессы изменения гендерных ролей в обществе. Цинь Кэцин — продукт глубокого кризиса феодального семейного строя, где патриархальная система сама продуцирует «демонизированные» женские фигуры в попытке сохранить собственную целостность. Элен Курагина — проекция страха перед разрушением моральных основ европейской аристократии, столкнувшейся с вызовами новой эпохи. Современные исследования (Ван Фань, Галай К.Н. [8]) демонстрируют, что подобные образы функционируют как «социальные компенсаторы», укрепляющие патриархальные установки в условиях их эрозии.

Сопоставительный анализ показывает, что модель «ангел — демон» в данных текстах приобретает разные функции: в «Сне в красном тереме» — это способ художественного осмысления социальной трагедии женского существования в условиях конфуцианской морали; в «Войне и мире» — приём жёсткой нравоучительной демонстрации последствий отказа женщины от предписанной ей роли. В обоих случаях наблюдается не только художественная репрезентация архетипа, но и скрытое авторское утверждение ограниченных рамок допустимого для женской идентичности.

В целом, анализ позволяет заключить, что образы Цинь Кэцин и Элен Курагиной иллюстрируют механизм работы патриархального дискурса, направленного на дисциплинарное конструирование женственности. В этом смысле они сохраняют свою типологическую значимость как репрезентанты универсальных механизмов подавления женской субъектности, независимо от конкретной культурной среды. Современная феминистская критика подчёркивает, что деконструкция подобных образов остаётся актуальной задачей, направленной на освобождение литературного дискурса от нормативных патриархальных структур.

Заключение

Проведённое сопоставительное исследование художественной репрезентации образов Цинь Кэцин и Элен Курагиной позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические аспекты построения женских персонажей в классической литературе Китая и России. Применение бинарной модели «ангел — демон» (С. Гилберт и С. Губар), а также элементов гендерной критики и сравнительного анализа дало возможность не только углубить понимание типологии женских образов, но и проследить трансформацию культурных стереотипов и механизмов патриархального дискурса в художественном тексте.

Основным результатом работы стало выявление того, что образы Цинь Кэцин и Элен Курагиной, несмотря на принадлежность к разным социокультурным системам, функционируют в структуре произведений как маркеры социальной тревоги и морального кризиса эпохи. Оба персонажа демонстрируют девиацию по отношению к нормативной модели «идеальной женщины», тем самым становясь объектами художественного «демонизирования», которое выполняет функцию защиты традиционного общественного порядка.

Вместе с тем выявлено принципиальное различие в степени художественной амбивалентности этих образов. Цинь Кэцин в романе Цао Сюэциня воплощает не столько индивидуальное падение, сколько трагическую обусловленность судьбы женщины в условиях конфуцианской патриархальной системы. Её образ построен с глубоким психологизмом, что позволяет воспринимать его как гуманистическое осмысление социального неравенства. В противоположность этому, Элен Курагина в «Войне и мире» Л.Н. Толстого представлена как типизированный носитель морального зла, служащий выразительным средством социальной критики. Её образ сознательно депсихологизирован, а нарративно жестко маркирован как чуждый патриар-

хальной морали.

Другое значимое наблюдение заключается в том, что репрезентация этих героинь наглядно отражает авторскую позицию и мужскую культурную психологию своей эпохи. Оба текста демонстрируют ограниченность допустимых вариантов женской идентичности, закреплённую в бинарной модели «ангел — демон», которая служит инструментом поддержания патриархальных структур. Однако в китайской литературной традиции XVIII века наблюдается тенденция к гуманизации таких образов, тогда как в русской литературе XIX века преобладает тенденция к их нормативному отрицанию.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования трансформации женских образов в сравнительно-литературном контексте. Представляется целесообразным расширить предмет анализа, включив в него не только классические, но и современные литературные произведения Китая и России. Особый интерес представляет изучение того, как в современной литературе и медиатексте эволюционирует модель «ангел — демон», каким образом феминистская критика и постгендерный дискурс влияют на репрезентацию женских персонажей и какие новые типологии женственности формируются в постпатриархальной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миддлтон В.С. Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображение XIX века // Безумная на чердаке: Женщина-писательница и литературное воображение XIX века. — 1980. — С. 383–385. (на англ. яз.)
2. Рубинштейн А.Т. Собственная литература: британские писательницы от Бронте до Лессинг // Собственная литература: Британские писательницы от Бронте до Лессинг. — 1978. — С. 356–361. (на англ. яз.)
3. Тянь Тунской. Изменение социального статуса женщин в романах династий Мин и Цин // Вестник Шаньсийского университета: философия и общественные науки. — 1992. — №1. — С. 83–87. (на кит. яз.)
4. Эдвардс Л. Женщины в романе «Сон в красном тереме»: предписания чистоты и феминности в Китае эпохи Цин // Религии Востока. — Routledge, 2017. — С. 59–82. (на англ. яз.)
5. Ци Цзинь. За пределами гендерных норм: усиление женских персонажей в псевдопереводных рассказах поздней Цинской эпохи // Неогеликон. — 2025. — С. 1–15. (на англ. яз.)
6. Полтавец Е. Гендерные стереотипы в читательской и исследовательской рецепции героинь Л.Н. Толстого // Филология и культура. — 2021. — №2 (64). — С. 159–169.
7. Равшанова А.Ш. Эволюция женских образов в литературе // Современные подходы и новые исследования в науках: материалы Международной научной онлайн-конференции. — 2024. — С. 130–133.
8. Ван Фань, Галай К.Н. Исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях // Литера. — 2024. — №6. — С. 118–128. — DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70534.
9. Петренко Д.П. Образ женщины в художественной литературе Китая на примере романа «Сон в красном тереме» и «Рассказов Ляо Чжя о необычайном» // Гуманитарный трактат. — 2021. — №2 (64). — С. 159–169.
10. Синьковская И.Г. Теоретико-методологические основы изучения гендерных отношений // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики. — 2015. — Т. 33. — С. 281.
11. Прохорова А. Система персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — №1. — С. 53–57.
12. Яковлева Е.В. Авторская ремарка и реплика героя как специфические способы вербализации эмоций в психологической женской прозе // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сб. ст. — 2017. — С. 131.

© Сун Дanyнь (lilysmomforever@yandex.com), Исакова Ирина Николаевна (mandala-1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»